

Подписная цѣна. Съ доставкой и пересылкою: На годъ... 6 рубль. На 6 мѣсяцевъ... 4 р. 50 к. На 3 мѣсяцевъ... 3 р. 50 к. На 1 мѣсяць... 2 р. 50 к.

УРАЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

№ 199.

газета общественная, литературная, торгово-промышленная
выходить ежедневно, не исключая дней послѣ праздничныхъ,
въ Екатеринбургѣ.

Телефонъ редакціи и типографіи № 240.

Продолжается подписка на газету „Уральская Жизнь“ съ 1 Августа по 1 января 1902 г. 3 рубля.

Испытательная коммиссія Всемирной Парижской Выставки 1900 г., присудивъ Товариществу Винодѣля въ Одессѣ БОЛЬШУЮ ЗОЛОТУЮ МЕДАЛЬ за безспорно выдающіяся качества его произведеній, по достоинству оцѣненные публикой, санкціонировала успѣхъ, который предсказалъ Товариществу испытательный комитетъ Выставки въ Нижн.-Новгородѣ, назначивъ ему въ 1896 г. ВЫСШУЮ НАГРАДУ.

Шампанское ЭКСЦЕЛЬСЮРЪ.
ФЕНИКСЪ Коньякъ.

ТОВАРИЩЕСТВО ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛИ „В. ВЫСОЦКІЙ и К.“
Основный капиталъ 6.000.000 рублей.
Правленіе въ Москвѣ.
Отдѣленіе въ Екатеринбургѣ, по Уктусской ул., д. № 19.
НИЖЕГОРОДСКАЯ ЯРМАРКА: Театральная площадь Московское подворье.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ „Уральская Жизнь“ (Колобовская ул., д. Олигеръ, № 21).
Поступила въ продажу июньская книжка журнала „МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“
СОДЕРЖАНІЕ:
1) Общія замѣчанія о соборствованіи православнаго миссіонера.—Н. Кутенкова.
2) Правственно христіанская точка зрѣнія на сектанство.—С. Потѣкина.
3) Лже-Толстой. (Съ англійскаго).
4) Изъ миссіонерскихъ записокъ.
5) Новая исповѣдь Л. Н. Толстого.
6) Вѣскольکو предпринятыхъ замѣчаній—В. Свиридова.
6) Отвѣтъ на постановленіе синода—Л. Толстого.
в) мысли православнаго епископа—еп. Сергія Ямбургскаго.
г) Открытое письмо къ гр. Толстому—М. А. Н—ва.
6) Изъ миссіонерской полемики.
7) Миссіонерство, секты и расколъ (хроника).
8) Библиографія.
9) Миссіонерскій вѣстникъ.

ПЛАТКИ НО. ОВІЯ, (русскія и заграничныя), ВЪ МАГАЗИНѢ **Тенриха Перетца.**
Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно.
МАГАЗИНЪ **С. А. Серебренникова.**
СЕЗОНЪ 1901 ГОДА.
ВЕЛОСИПЕДЫ „ДУКСЪ“
1) обыкновенные.
2) съ педалями тормозомъ и свободнымъ колесомъ.
Допускается разсрочка. Ученикамъ 10% скидка.
ВЕЛОСИПЕДНАЯ МАСТЕРСКАЯ, имѣющая всевозможныя велосипедныя запасы.
Богоявленская ул., д. Бр. Дмитриевыхъ, телеф. № 242.

СЕРВИЗЫ СЕРЕБРЯНЫЯ ВЪ ФУТЛЯХЪ для подарковъ „у Бр. Агафуровыхъ“, въ Екатеринбургѣ, Перми и Тюмени.

Екатеринбургская Женская Гимназія
сими объявляетъ, что въ У, Ш, II классѣ по немѣнѣ вакансій, приема въ августѣ мѣсяцѣ совѣсьмъ не будетъ, въ остальные же классы приемъ будетъ самый ограниченный.

ПАРОХОДСТВА Бр. Каменскихъ и И. Любимова, между Пермью, Казанью и Нижнимъ-Новгородомъ
два ежедневныхъ срочныхъ отправленія.
Навигація 1901 года.
Отходятъ изъ Перми въ Казань и Н.-Новгородъ.

ВЪ ІЮЛѢ.	Изъ Н.-Новгорода.		Изъ Перми.	
	Поч.-пасс. въ 11 ч. утра.	Пассажир. въ 9 ч. веч.	Поч.-пасс. въ 3 ч. веч.	Пассажир. въ 9 ч. веч.
26 Четвергъ	Екатеринб.	Иванъ.	Григорій.	Алексѣй.
27 Пятница	Василій.	Вятка.	Пермь.	Александр.
28 Суббота	Сынъ.	Ріонъ.	Москва.	Вушувъ.
29 Воскресенье	Дядя.	Котласъ.	Федоръ.	Березняки
30 Понедѣльникъ	Бама.		Отецъ.	

Харитоновскій Садъ.
ЕЖЕДНЕВНАЯ **ГУЛЯНЯ**
при участіи всѣхъ артистовъ.
Ежедневно можно получать обѣды изъ 5ти блюдъ 1 руб. 25 к., изъ 4хъ 1 руб. и изъ 3хъ 80 коп. отъ 3 до 5ти час.
Кухня подъ упр. главнаго повара Г. Козлова.

ДОКТОРЪ Б. М. Бродовскій
принимаетъ СПЕЦИАЛЬНО по болѣзнямъ **УХА, НОСА и ГОРЛА**
отъ 9 до 1 ч. дня и отъ 5 до 7 ч. веч.
Уголъ Покровскаго пр. и Пушкинской (Соборной) ул., домъ Флоринскаго, № 37—1.

ДОКТОРЪ Б. А. Ландсбергъ
принимаетъ СПЕЦИАЛЬНО по болѣзнямъ **ГЛАЗА, УХА, ГОРЛА и НОСА**
отъ 9 до 1 ч. и отъ 5 до 7 ч.
Театральн. ул., № 7, рядъ съ женск. гимназ.

ВРАЧЪ М. А. Болухеръ,
Успенская, домъ № 23
Принимаетъ по болѣзнямъ кожи **моченоловымъ, венерическимъ и сифилису.**
Отъ 8 ч. до 1 ч. и отъ 5 ч. до 8 ч.
Женщинамъ отъ 2 ч. до 3 ч.

ОДѢЯЛА
ткалевая, русскія и заграничныя,
ВЪ МАГАЗИНѢ **Л. И. СТЕРНЪ.**
Покровскій пр., д. Ермолаева.

ФЕЛЬЕТОНЪ.
БАБАЙ.
(Изъ моихъ воспоминаній).
Это было давно, въ годину страшнаго бѣдствія, которое на языкѣ народномъ, носитъ очень характерное названіе „голодовки“.
Наступала весна. Я былъ мировымъ посредникомъ, обѣзжалъ свой участокъ и собиралъ свѣдѣнія о голодающихъ. Свѣтъ лежавшій въ степи глубокихъ настомъ, талъ быстро: вершины холмовъ уже оголились, въ низинахъ показавшаяся вода, благодаря которой начинали образовываться зазоры, дѣлающая всякое сообщеніе не только затруднительнымъ, но даже и опаснымъ.
Я ѣхалъ на своихъ: „Мишенокъ“—рижскій, красивый мерингъ, ходившій у меня на „гусю“, шель осторожно, низко опустивши голову и выбирая себѣ дорогу гдѣ бы не провалиться; запряженный въ середину, бурый „Базагъ“, натянувши, какъ струны, постромки, усердно тащилъ „кошевую“, а иной разъ и самого коренника, старика „Благого“, который усталъ и, выдвѣся на своихъ вѣрныхъ товарищей, шагаль лѣниво, потиравая то и дѣло своей косматой головой, точно онъ желалъ отдѣлаться отъ назойливо звенѣвшаго надъ самими его ушами колокольчика. Мой возница—простой, добродушный паренъ Нестеръ—шелъ сзади саней пѣшкомъ, повременамъ пуская впередъ свой длинный, гусевой кнутъ, поддерживая такимъ образомъ бодрость и энергію въ утомившейся тройкѣ.
День клонился къ вечеру; кругомъ царилъ тишина; ни одного живаго звука; слышится только какой-то неопредѣленный глухой шумъ, будто далекій, далекій шепотъ многотолпной толпы, отъ сплывавшихъ вѣдь въ низины, да когда замиралъ колокольчикъ, слышнмо было, какъ остунались и проваливались лошади,—ни одного живаго существа.
Было уже совѣсьмъ темно, когда мы съ Несторомъ добрались до большой башкирской деревни, растянувшейся, какъ и всегда, одной улицей, чуть не на цѣлую версту. Ни огня, ни движенія,—населеніе точно вымерло; даже собаки и тѣ не встрѣтили насъ своимъ обычнымъ лаемъ, только тамъ, гдѣ-то вдали, будто упавшая съ неба звѣздочка, дрожитъ слабый, одиночій огонекъ.
Огонь этотъ, когда мы подъѣхали къ нему, какъ оказалось, горѣлъ въ одной избѣ, которую, по сравненію съ окружающими ее лачужками, право, можно бы смѣло назвать дворцомъ, потому что у ней были и рамы съ цѣльными стеклами, и тесовая крыша, да и вся она, освѣщенная въ эту минуту ярко выхажнувшей лунной внутри, смотрѣла какъ-то особенно уютно и весело.
— Ну-ка, остановись!—сказалъ я моему возницѣ.
Паренъ придержалъ вожжи, лошади стали, я выгляѣвъ изъ „кошевой“.
— Нужно зайти,—здѣсь кажется, сытые живутъ!—говорю я, обращаясь къ Нестеру, съ которымъ мы обѣхали въ этотъ день не мало деревень, а видѣли только голую буквально голую нищету, да сотни голодающихъ.
Отворивши тихо ворота, тихо взобравшись на крыльцо, я вошелъ въ избу совершенно неожиданно. Нѣсколько женскихъ фигуръ и нѣсколько ребятишекъ, малъ-мала меньше, увидя вошедшаго къ нимъ незнакомца, а быть можетъ и узнавъ въ немъ своего начальника, точно кучка испуганныхъ овецъ, почуявшихъ хищ-

наго звѣря, шарахнулись и быстро скрылись за занавѣской, составляющей необходимую принадлежность каждаго помѣщенія, въ которомъ живетъ мусульманская семья, не имѣющая у себя особой женской половины.
Я остался одинъ въ совершенно пустой избѣ: голыя нары, да „свѣтецъ“, въ которомъ дымилъ, начинавшая тухнуть, лунна; ни перинъ, ни подушекъ, сложенныхъ обыкновенно цѣлой горой на паряхъ, ни самовара, всегда красующагося на виду, ни даже „кунгана“ съ тазомъ, которые необходимы для обычныхъ мусульманскихъ омовеній,—ничего не было. Въ избѣ, какъ говорится, хоть шаромъ покати.
Впрочемъ, одиночество мое продолжалось не долго: сельское начальство скоро провѣдало мое приѣздъ и тотчасъ явился. Первымъ пришелъ десятникъ, маленький, неуклюжій башкиръ.
Здрастуй, хаэрегъ (господинъ),—сказалъ онъ, привѣтствуя меня и низко кланяясь.
— Отчего тутъ такая пустота?—говорю я, показывая рукою на окружающую насъ обстановку или, вѣрнѣе говоря, на отсутствіе всякой обстановки.
Десятникъ понималъ русскій языкъ плохо, почему мнѣ пришлось еще разъ повторить свой вопросъ, мѣшая башкирскія слова съ ломаннымъ, на татарскій манеръ, русскимъ языкомъ.
— А, понимаю, хаэрегъ,—сказалъ онъ радостно, внимательно выслушавши меня,—понималъ. Становой наша деревня былъ; перина, подушка, самоваръ, кунганъ—все недомка писалъ,—отвѣчалъ онъ такимъ тономъ, какимъ обыкновенно дѣти разсказываютъ страшныя сказки.
Отвѣтъ этотъ нисколько не удивилъ меня, потому что я уже зналъ не одинъ случай, когда одною рукою—рукою мирового

посредника—выдавалось пособіе, а другою рукою одновременно съ этимъ взъискывались недомки.
— Все описать?—спрашиваю я, усаживаясь на пустую бездонную кадку, на которой вмѣсто сидѣвня была положена простая дощечка.
Началось „талалаканье“ съ бывшими за занавѣсью женщинами.
Между тѣмъ подошелъ сотскій, атлетическаго форма и огромнаго роста, какимъ и надлежитъ быть полицейскому стражу хранителю тишины и спокойствія; наконецъ, прибѣжалъ занхавшійся и староста, который, какъ оказалось, жилъ на противоположномъ краю селенія.
Пришло повторить вопросъ. Староста хорошо понималъ и говорилъ по русски, почему и разговоръ пошелъ теперь живѣе.
— Нѣтъ, хаэрегъ, не все. Хасянь лишній одѣжа къ Архипку, въ русскій деревня въ закладъ тащилъ,—отвѣчалъ староста.
Архипка—простой, русскій, зажиточный мужикъ. Здѣсь, по деревнямъ, такихъ Архипковъ множество. Въ они занимаются тѣмъ, что сужаютъ нуждающихся то хлѣбомъ, то деньгами; съ русскими они не церемонятся, обобрать же башкира считаютъ чуть ли не за „спасенье“. Проценты берутся ими, особенно во время такихъ бѣдствій, какъ „голодовка“, громадные, величину ихъ опредѣлить даже невозможно. Подобные Архипки есть и въ деревняхъ, населенныхъ мусульманами; они, конечно, носятъ свои національныя имена: Ахметокъ, Махмудокъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, но, говоря о совѣсти, постѣвдній и лучше, и честнѣе русскаго „паука“—крестьянина.
— Гдѣ же хасянь?—спрашиваю я, не замѣчая въ избѣ его присутствія.
— Хасянь? Хасянь Оренбургъ пошелъ,

„работка“ искать, хаэрегъ,—отвѣчалъ староста, продолжая держать руки по-швамъ, по-военному.
Башкиры—народъ дисциплинированный: недаромъ они составляли отдѣльное войско.
— Кто же у него въ домѣ остался?—задаю я новый вопросъ.
— Кто? Бабабъ, дѣвкамъ, „баранчукъ“ (ребятишки) остался, да еще „бабай“ (дѣдушка)—перечислить староста.
Загнѣмъ начинается уже вопросъ, который приходилось мнѣ въ то время дѣлать въ каждомъ домѣ, гдѣ указывали голодающихъ: сколько душъ? сколько работниковъ? есть ли хлѣбъ? чѣмъ питаются? и т. д., и т. д.
Такъ поступилъ я и тутъ.
— Сколько ихъ?—спрашиваю я, доставая записную книжку и приготавливаясь дѣлать замѣтки.
Новые переговоры съ невидимками, послѣ которыхъ и слѣдуетъ отвѣтъ:
— Десять людей, хаэрегъ,—работникъ одинъ.
— Ну, а „икмекъ“ (хлѣбъ) у нихъ есть?—спрашиваю я.
— Баръ, баръ, баръ,—кричатъ невидимки въ нѣсколько голосовъ.
Слово „баръ“ значитъ ѣсть.
— Покажите,—говорю я, желая видѣть количество и качество имѣющагося хлѣба.
Опять слышится долгое „талалаканье“, причемъ не разъ упоминается слово „бабай“, который и самъ появляется на сцену,—появляется какъ-то совѣсьмъ неожиданно, откуда то изъ-за моей спины.
Петръ Добротворскій.
(Окончаніе завтра).

